

Бистерфельд Александр Александрович

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Юридический институт

Россия, Томск

sasha-bister2013@yandex.ru

Bisterfeld Alexander

National Research Tomsk State University

Law Institute

Russia, Tomsk

ЗАПРЕТ ПОВОРОТА К ХУДШЕМУ ПРИ АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПЕРЕСМОТРЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассмотрено такое основное начало контрольно-проверочных производств, как запрет поворота к худшему; изучены его правовая природа и проявления на стадии производства в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе Российской Федерации; выявлены проблемы реализации норм, регламентирующих названное основное начало; предложены варианты разрешения спорных ситуаций и пробелов в правовом регулировании.

Ключевые слова: запрет поворота к худшему; non reformatio in peius, основное начало; контрольно-проверочные производства; апелляционное производство, уголовный процесс.

PROHIBITION OF REFORMATIO IN PEIUS IN THE COURSE OF APPELLATE READJUDICATION OF COURT DECISIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL PROCESS

Annotation: the article considers the rule of prohibition of a turn for the worse, examines its manifestations at all control and verification stages of the criminal

process of the Russian Federation, identifies problems in the implementation of the norms regulating this mechanism, suggests options for resolving disputes and gaps in legal regulation.

Key words: prohibition of turning for the worse; non reformatio in peius; the main beginning; control and verification production; appeal procedure; criminal procedure

Как ученые-процессуалисты, так и законодатель принимают активное участие в разработке концепций, позволяющих укрепить существующие гарантии прав стороны защиты и их роль на всех стадиях уголовного судопроизводства. Среди них - имеющий свою длительную историю становления принцип благоприятствования защите (*favor defensionis*). В целях укрепления баланса прав и возможностей стороны обвинения и стороны защиты законодатель предусмотрел в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее - УПК РФ) ряд специальных гарантий, например, право подсудимого на последнее слово, которое предоставляется ему до удаления суда в совещательную комнату; право давать показания в любое время в ходе судебного следствия и т.д. Все они направлены на снижение негативных последствий инквизиционности в уголовном процессе. Таким образом, стороне защиты, по сравнению со стороной обвинения, предоставляются «льготные» права. Благодаря этому сторона защиты ставится явно в более благоприятное положение, что необходимо для преодоления фактического неравенства процессуальных возможностей сторон. Очевидно, что механизм запрета поворота к худшему (*non reformatio in peius*) при обжаловании приговора стороной защиты также является одной из гарантий, составляющих механизм благоприятствования защите. По мнению Л.В. Головки, запрет поворота к худшему является выражением принципа асимметрии и одним из необходимых ограничителей полномочий суда проверочной инстанции [13, с. 836-840].

Актуальность темы исследования является очевидной, поскольку в настоящее время проблеме функционирования проверочных производств уделяется особое внимание в научной литературе в связи с постоянным совершенствованием законодательства в данной сфере. Вместе с тем необходимо отметить, что запрет поворота к худшему как одно из основных начал проверочных производств не является, как правило, предметом самостоятельного исследования в научных работах, а анализируется лишь в связи с иными общими началами. На фоне такой тенденции в научных работах о проверочных производствах комплексный анализ запрета поворота к худшему обладает теоретической новизной.

Механизм запрета поворота к худшему (*non reformatio in peius*) рецепирован российской правовой системой из римского права. Впервые он упоминается в Дигестах Юстиниана (Д. 49.1.1): «Нет никого, кто бы не знал, сколь частым и сколь необходимым является применение апелляции, поскольку это, без сомнения, исправляет несправедливость либо неопытность судей, хотя иногда изменяет в худшую сторону правильные решения – ведь не всегда лучше решает тот, кто принимает решение последним» [22]. Таким образом, римские правоведы считали возможным ухудшение положения осужденного в случае, когда это преследует цель исправления судебных ошибок.

Большинство исследователей рассматривают категорию «поворот к худшему» исключительно в контексте действия механизма недопустимости такого поворота и применительно к деятельности проверочных судебных инстанций, которые своими решениями ухудшают положение лица по сравнению с тем, что существовало на основании отмененного или измененного ими решения.

С этой преобладающей в науке точкой зрения невозможно не согласиться. Правовой механизм недопустимости поворота к худшему (*non reformatio in peius*) начинает свое действие при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции, когда уже есть акт суда, которым разрешен по

существованию уголовно-правовой спор. Существует точка зрения, согласно которой запрет поворота к худшему функционирует и на стадии предварительного расследования [19]. Однако основная часть процессуалистов сходится во мнении, что на стадии предварительного расследования запрет поворота к худшему не действует, поскольку лицо, осуществляющее расследование, в случае обнаружения признаков нового преступления, совершенного обвиняемым, возбуждает новое уголовное дело, которое впоследствии присоединяется к основному, тем самым объем обвинения увеличивается.

Нормы, посвященные запрету поворота к худшему, рассредоточены по тексту УПК РФ, что связано с многоаспектностью и сложной правовой природой данного механизма.

Обращаясь к вопросу правовой природы запрета поворота к худшему, следует сказать, что в силу его дискуссионности процессуалисты, рассматривая процедуры обжалования, определяют запрет поворота к худшему совершенно разнообразно: как особенность, как признак, как свойство, как черту, как принцип, как институт.

Так, известно, что принципом может считаться только та правовая идея, которая представляет собой основное начало процесса и проявляет себя на всем его протяжении, т.е. на каждой стадии уголовного процесса. Вместе с тем, как уже было указано выше, запрет поворота к худшему начинает свое действие только при наличии акта суда первой инстанции, поэтому неверно именовать данный механизм принципом.

В коллективном учебнике «Уголовный процесс» В.И. Радченко, рассматривая вопросы надзорного производства, весьма неожиданно приходит к выводу о том, что недопустимость поворота к худшему представляет собой самостоятельный институт уголовного судопроизводства [18]. Представляется, что запрет поворота к худшему не обладает признаками правового института, поскольку в науке существует дискуссия относительно правовой природы данного правового явления, а также относительно его действия на разных

стадиях уголовного судопроизводства, в связи с чем оно не обладает определенностью, необходимой для категории «правовой институт».

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев запрет поворота к худшему относит к процессуальным правилам [17, с. 127-128]. Кроме того, в своих актах Конституционный Суд Российской Федерации также называет запрет поворота к худшему правилом [4]. Однако термин «правило» неверно определяет правовое значение запрета поворота к худшему для регулирования проверочных производств, поскольку принижает его статус до уровня правовой нормы, которой по определению является именно правило поведения, общеобязательное и формально-определенное. Вместе с тем нормы о запрете поворота к худшему рассредоточены по тексту УПК РФ (главы 45.1, 47.1, 48.1 УПК РФ), что говорит о том, что запрет поворота к худшему претендует на то, чтобы быть предельно значимой правовой категорией при пересмотре судебных решений в судах вышестоящих инстанций (по крайней мере, в теории уголовно-процессуального права). И таким значением запрет поворота к худшему наделяет В.Д. Потапов, который относит его к **организующим, судоустройственным началам апелляционного, кассационного и надзорного производств** [18, с. 57]. По его мнению, запрет поворота к худшему наиболее тесно связан с сутью и содержанием таких исходных начал в организации контрольно-проверочных производств, как широкая свобода обжалования, ревизионное начало проверки и проверка юридической и фактической стороны приговора. Каждое из этих начал в той или иной мере ограничивает действие *reformatio in reius*, уточняет пределы его действия (см. схему 1).

Рассмотрение вопроса о пределах прав суда апелляционной инстанции является важным при изучении действия запрета поворота к худшему, так как данное основное начало проверочных производств ограничивает эти пределы.

Производство в суде апелляционной инстанции можно определить, как стадию уголовного процесса, заключающуюся в проверке судом второй

инстанции по жалобе (представлению) законности, обоснованности и справедливости не вступившего в законную силу судебного акта первой инстанции с соблюдением принципов и общих условий судебного разбирательства посредством исследования доказательств, как имеющихся в уголовном деле, так и новых [20, с. 38-46].

В российском уголовном процессе апелляционному производству присуще ревизионное начало, которое было характерно советской кассации. Установление пределов прав апелляционного суда законодатель начинает с правила о том, что суд не связан доводами апелляционной жалобы (представления), в силу чего уполномочен на проверку производства по делу в полном объеме (ч.1 ст. 389.19 УПК РФ).

Важно отметить соотношение запрета на поворот к худшему со свободой обжалования. Одним из элементов свободы обжалования выступает наличие у стороны защиты убежденности в том, что пересмотр (проверка) судебного решения не приведет к ухудшению его правового положения, установленного судом первой инстанции.

Такой вывод подтверждает закрепленное в уголовно-процессуальном законодательстве ревизионное начало. Оно предполагает, что в целях правосудия вышестоящий суд вправе, рассматривая жалобу осужденного, выйти за пределы её доводов и пересмотреть дело в том объеме, в котором сочтет необходимым, в результате чего положение осужденного может быть ухудшено.

Наличие же у защитника, осужденного понимания того, что имеется реальная вероятность ухудшения положения осужденного при обжаловании решения, порождает опасения. Такая ситуация создает препятствия для реализации свободы обжалования приговора в силу «охлаждающего эффекта» («chilling effect»). В подобном ключе, например, высказался Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 5 декабря 2019 года в результате

рассмотрения запроса Воронежского областного суда о проверке конституционности ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ [4].

Таким образом, в процессуальном смысле недопустимость поворота к худшему выполняет важнейшую функцию гаранта беспрепятственной реализации подсудимым его права на защиту, одним из компонентов которого выступает свобода обжалования.

Кроме того, следует согласиться с мнением И.Л. Петрухина о наличии нравственной составляющей запрета на ухудшение положения осужденного: «С точки зрения этики недопустимо ухудшать положение человека в ответ на его просьбу о помощи» [15].

Регулирование начала запрета поворота к худшему в уголовном процессе Российской Федерации осуществляется несколькими нормами:

1) ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ, которую упоминают в первую очередь при исследовании недопустимости ухудшения положения или осужденного. Именно в ней нашло отражение правило о том, что обвинительный приговор может быть изменен в сторону ухудшения исключительно по представлению (жалобе) прокурора (потерпевшего, частного обвинителя). То есть недопустимо ухудшение положения, установленного актом суда первой инстанции, в отношении лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, при отсутствии выраженного в надлежащей форме несогласия стороны обвинения с судебным решением;

2) ч. 4 ст. 389.8 УПК РФ, не допускающая постановку в дополнительных представлениях (жалобах) вышеуказанных субъектов, поданных по истечении срока обжалования, вопроса об ухудшении положения осужденного, если ранее он ими поднят не был;

3) ч. 2 ст. 389.24 и ст. 389.20 УПК РФ, предусматривающие отсутствие у апелляционного суда полномочия на самостоятельную отмену оправдательного приговора с вынесением обвинительного. При наличии оснований для такой

отмены, ему надлежит передать уголовное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Для ухудшения положения осужденного в апелляционной инстанции необходимо соблюдение главного условия – поступления жалобы (представления) со стороны обвинения. Однако УПК РФ, как отмечает Н.Н. Ковтун, не содержит указания, какие мотивы они должны содержать [12, с. 80-105].

Согласно разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации в целях реализации запрета на ухудшение положения осужденного, апелляционный суд не вправе выйти за пределы доводов стороны обвинения, изложенных в жалобе (представлении) [5].

Таким образом, возможность ухудшения положения, осужденного прямо зависит не только от самого факта подачи жалобы, представления, но и от содержащихся в них доводов.

Следует, однако, отметить точку зрения К.В. Ивасенко: данное разъяснение Верховного Суда Российской Федерации в большей мере изменяет ст. 389.24 УПК РФ, чем разъясняет порядок ее применения [10]. Верховный Суд Российской Федерации перекладывает на себя полномочия законодателя, что недопустимо.

Действительно, правило о том, что ухудшение положения возможно только в пределах доводов жалобы и представления стороны обвинения, подлежит закреплению непосредственно в тексте УПК РФ. В этом смысле выгодно отличаются УПК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 387) [2], который содержит такое положение.

Обратимся к не менее важному вопросу: функционирует ли запрет поворота к худшему при повторном рассмотрении дела после отмены приговора судом апелляционной инстанции. Сам апелляционный суд не принимает акт, ухудшающий положение осужденного, но делает допустимым подобный исход при новом рассмотрении дела судом первой инстанции.

На данную проблему реализации запрета поворота к худшему, довольно распространенную в практике российских судов, обращал внимание Ю.К. Якимович [21, с. 29], проводя сравнение действующего УПК РФ и УПК РСФСР 1960 г. В действовавшем в советский период законодательстве содержалось положение, запрещающее правоприменителю усиливать назначенное наказание или же применять закон о более тяжком преступлении при новом рассмотрении дела по первой инстанции, если первоначально приговор не был отменен по указанным основаниям по протесту прокурора или жалобе потерпевшего [21, 29].

Уголовно-процессуальные кодексы Беларуси и Украины, в свою очередь, содержат нормы, запрещающие поворот к худшему при повторном рассмотрении дела после отмены приговора судом апелляционной инстанции [11].

Так, в соответствии со ст. 398 УПК Республики Беларусь усиление наказания, применение закона о более тяжком преступлении либо иное ухудшение положения обвиняемого при новом судебном разбирательстве уголовного дела судом первой инстанции допускаются только при условии, если первоначальный приговор был отменен по апелляционной жалобе потерпевшего, частного обвинителя или их представителей либо по апелляционному протесту прокурора в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении либо за мягкостью наказания или иных мер уголовной ответственности, а равно и по другим основаниям, влекущим ухудшение положения обвиняемого [2].

Такую же норму содержит ч. 2 ст. 416 УПК Украины [3].

Вместе с тем в УПК Российской Федерации подобная норма отсутствует.

Наличие в кодексах Республики Беларусь и Украины статей, посвященных этому вопросу, может служить примером для закрепления аналогичной нормы в УПК РФ, поскольку нарушения запрета поворота к худшему продолжают встречаться на практике.

Таким частным случаем, иллюстрирующим вышеназванную проблему, является следующее дело. Центральный районный суд г.Барнаула постановил в отношении двух подсудимых приговор, признав их виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ, и назначил каждому наказание в виде штрафа в размере 500 000 рублей.

На основании апелляционного представления государственного обвинителя приговор Алтайским краевым судом был отменен, а уголовное дело направлено на новое рассмотрение в ином составе суда. В представлении прокурор указывал, в частности, на несправедливость приговора, а именно – назначение максимального размера штрафа, предусмотренного санкцией статьи, при наличии ряда смягчающих вину обстоятельств и отсутствии отягчающих. Между тем, приговор был отменен в связи с имевшими место процессуальными нарушениями.

Когда дело было вновь рассмотрено судом первой инстанции, подсудимым было назначено наказание в виде лишения свободы, что является прямым нарушением запрета на ухудшение положения подсудимого, поскольку при повторном рассмотрении дела было назначено наказание более строгое, чем по ранее отмененному приговору, однако прокурор о чрезмерной мягкости наказания в представлении не заявлял.

Судебная коллегия кассационного суда при пересмотре дела указала на данное обстоятельство, придя к выводу, что «при повторном рассмотрении уголовного дела суд не имел оснований для ухудшения положения обвиняемых и назначения им более строгого наказания, чем было назначено по первому приговору, поэтому назначенное наказание подлежит смягчению [8].

Только в 2015 году в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» было отражено данное положение. Верховный Суд Российской Федерации на основании анализа положений ст.ст. 389.22, 389.23 и ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ

пришел к выводу, что при новом рассмотрении дела в суде первой или апелляционной инстанции после отмены приговора в связи с нарушением права обвиняемого на защиту, а также по иным основаниям, не связанным с необходимостью ухудшения положения обвиняемого, не допускается применение закона о более тяжком преступлении, назначение обвиняемому более строгого наказания или любое иное усиление его уголовной ответственности [6].

Представляется, что этим разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации необходимо придать большую юридическую силу путем внесения их непосредственно в текст УПК РФ.

С рассмотренным вопросом непосредственно связан ещё один не менее важный и дискуссионный вопрос: действует ли запрет на ухудшение положения лица, в отношении которого осуществляется судопроизводство, если апелляционный суд отменил приговор с возвращением уголовного дела прокурору? Может ли суд по своей инициативе вернуть дело прокурору для предъявления более тяжкого обвинения, или для этого же необходима инициатива стороны обвинения? Позиция Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации по этой проблеме была противоречивой и неоднократно изменялась.

Окончательную точку в данном вопросе поставил Верховный Суд Российской Федерации во внесенных 27 июня 2023 года изменениях в Постановление Пленума от 27 ноября 2012 года № 26, регулиющего вопросы апелляционного производства. Пункт 19 был дополнен абзацем, разъясняющим, что в случае подачи стороной обвинения жалобы (представления) с требованием исключить из приговора указание на необоснованно учтенное смягчающее наказание обстоятельство и (или) учесть наличие отягчающего, или же ужесточить назначенное наказание, но при этом не указано на необходимость применения уголовного закона о более тяжком преступлении, а апелляционным судом будут установлены основания для

квалификации действий осужденного как более тяжкого преступления, то суд в таком случае вправе отменить приговор и возвратить уголовное дело прокурору [7].

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации принял компромиссную точку зрения, позволив судебным органам при обнаружении обстоятельств, свидетельствующих о совершении осужденным более тяжкого деяния, при наличии жалобы (представления) стороны обвинения об ухудшении положения осужденного, возвращать уголовное дело прокурору, независимо от того, имеется ли в жалобе (представлении) подобный довод о необходимости усиления квалификации и необходимости применения ст. 237 УПК РФ.

Перейдем теперь к проблеме отмены оправдательного приговора и вынесения обвинительного, а также к проблеме отмены обвинительного приговора и вынесения более сурового обвинительного приговора судом апелляционной инстанции.

Суд апелляционной инстанции в Российской Федерации наделен правом вынесения нового приговора (ст. 389.20 УПК РФ).

При этом суду апелляционной инстанции законом не предоставлено право самостоятельной отмены оправдательного приговора с вынесением нового обвинительного (ст. 389.20 УПК РФ). Между тем, в существовавшей до 1 января 2013 года редакции п. 3 ч. 3 ст. 367 УПК РФ такое полномочие было закреплено в отношении оправдательных приговоров мирового судьи. В этой связи возникает вопрос, по какой причине законодатель отошел от ранее существовавшего регулирования?

Наиболее вероятно, что причиной к этому послужило то обстоятельство, что в случае устранения из законодательства запрета на отмену оправдательного приговора с одновременным вынесением обвинительного, может сложиться ситуация, когда апелляционным судом, будет допущена фактическая ошибка, неустранимая при последующем обжаловании решения в

кассационном порядке, допускающем рассмотрение только вопросов права.

У каждого осужденного имеется гарантированное Конституцией Российской Федерации (ст. 50) право на пересмотр приговора вышестоящим судом в установленном порядке. Думается, что именно в этой связи законодатель в ч. 2 ст. 389.24 УПК РФ указал на недопустимость постановления апелляционным судом нового обвинительного приговора после отмены оправдательного – дабы не лишать лицо права на апелляционное обжалование.

Между тем, неясно, в связи с чем оправданный, по сравнению с осужденным, поставлен в более привилегированное положение. Ведь обвинительный приговор апелляционный суд вправе отменить с одновременным вынесением нового, более строгого, а осужденный, как и оправданный, также будет лишен права на апелляционное обжалование, в том числе и по вопросам факта. Представляется, что в данном случае законодатель исходил из того, что отмена оправдательного приговора с вынесением обвинительного столь сильно затрагивает права лица, существенно изменяет его уголовно-правовой статус в сторону ухудшения положения, что подобное обстоятельство требует неукоснительного соблюдения всех установленных гарантий права на защиту.

Вместе с тем, в отличие от норм международного права, допускающих вынесение апелляционным судом обвинительного приговора по жалобе на оправдание лица без каких-либо оговорок [1], позиция российского законодателя представляется более лояльной, обеспечивающей конституционное право на пересмотр приговора вышестоящим судом.

Вернемся к реализации в апелляционном производстве полномочия суда по отмене обвинительного приговора с вынесением нового обвинительного приговора, более строгого по сравнению с первоначальным.

М.В. Мерзлякова в своей работе поднимает вопрос о целесообразности особой регламентации порядка отмены оправдательного приговора,

предусмотренного ч. 2 ст. 389.24 УПК РФ [17]. Ведь в случае вынесения апелляционным судом более строгого обвинительного приговора при отмене обвинительного у осужденного не будет возможности оспаривать вопросы факта в кассации, поэтому оправданный несправедливо находится в более благоприятном положении. Следовательно, если апелляционная инстанция выявит необходимость ухудшить положение осужденного при невозможности изменить приговор, она должна направить дело на новое рассмотрение [14].

Однако такая позиция далека от сложившейся судебной практики. Так, суды апелляционной инстанции активно выносят новые, апелляционные, приговоры в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела, изменяя квалификацию на более тяжкую (например, со ст. 108 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) на ст. 105 УК РФ, со ст. 111 УК РФ на ч.3 ст. 30, ч.2 ст. 105 УК РФ) [9].

Таким образом, ч. 2 ст. 389.24 УПК РФ вызывает вопросы в той части, что осужденный, в отношении которого выносится более строгий обвинительный приговор, лишается права на апелляцию, но при этом уголовное дело в суд первой инстанции возвращению не подлежит, в отличие от ситуации с отменой оправдательного приговора. Данная правовая коллизия противоречит принципу справедливости, ставит участников уголовного судопроизводства в неравное положение.

Подводя итог данной работы, необходимо отметить, что запрет поворота к худшему или же недопустимость ухудшения осужденного – это одно из важнейших процессуальных правил (механизмов) уголовного процесса, играющее важную роль для осуществления права на защиту. Данное начало является одним из гарантов реализации принципа благоприятствования защите, поскольку обеспечивает реальную возможность стороны защиты реализовать свое право на обжалование неправосудных на ее взгляд решений.

За время с момента своего зарождения запрет поворота к худшему прошел долгий путь становления в качестве самостоятельного процессуального

механизма, что говорит о растущей потребности в нем каждого правового и демократического государства независимо от его политического строя.

Апелляционное производство занимает важную роль в уголовном судопроизводстве Российской Федерации ввиду того, что суд апелляционной инстанции наделен законом обширными полномочиями по исправлению судебных ошибок, допущенных на предыдущих стадиях процесса. Однако по этой же причине для апелляционной инстанции возрастает значение начала запрета поворота к худшему. Ситуация, при которой суд апелляционной инстанции руководствуется ревизионным началом и ограничен запретом на ухудшение положения лица, не противоречит назначению и принципам уголовного судопроизводства, а также является одним из важных проявлений института благоприятствования защите. Однако же и сами ревизионные начала ограничивают действие запрета поворота к худшему, ввиду чего на данном этапе он отличается не абсолютным, а только относительным, фрагментарным характером, поскольку поворот к худшему в суде апелляционной инстанции все же возможен при определенных условиях.

В настоящей работе рассмотрены и исследованы основные проблемы реализации запрета поворота к худшему и пути их решения на стадии производства в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе Российской Федерации. Несовершенство существующего правового регулирования и проблемы правоприменения требуют продолжения исследования институтов контрольно-проверочных производств в части применения запрета поворота к худшему.

Список литературы:

1. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) : (с изм. и доп. от 11.05.1994) // Гарант : информ.-правовое обеспечение. 2023. URL: <https://base.garant.ru/2540805/> (дата обращения: 12.12.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. (ред. от 17.07.2023) // Эталон-online / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. 2006–2023. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 10.10.2023).

3. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI [Электронный ресурс] : (ред. от 23.08.2023) // ИС Континент : законодательство стран СНГ : [сайт]. 2023. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178#pos=7;-144 (дата обращения: 10.10.2023).

4. По запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3271-О // Официальный интернет-портал правовой информации. 2019. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201912260055> (дата обращения: 25.01.2023).

5. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. 1997–2023. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/ (дата обращения: 10.12.2022).

6. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. 1997–2023. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 25.01.2023).

7. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 25 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. 1997–2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451073/ (дата обращения: 25.07.2023).

8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2021 г. по делу № 77-3299/2021 [Электронный ресурс] // Восьмой кассационный суд общей юрисдикции : [сайт]. 2023. URL: <https://clck.ru/amiJe> (дата обращения: 25.11.2022).

9. Справка по обобщению судебной практики рассмотрения уголовных дел в апелляционном порядке судами Алтайского края, связанной с изменением либо отменой обвинительных приговоров и вынесением апелляционных приговоров в период 2016 года и первого полугодия 2017 года // Архив Алтайского краевого суда. 2016. Документ опубликован не был.

10. Ивасенко К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2014. 33 с.

11. Килина И. В. Поворот к худшему при пересмотре судебных решений в апелляционном порядке по уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь, Республики Казахстан, Украины и Российской Федерации: сравнительный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С 110–116.

12. Ковтун Н. Н. Апелляция, кассация, надзор: анализ содержания // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / [Е. А. Борисова и др.]. Москва, 2011. С. 80–105.

Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. Москва : Статут, 2017. 1279 с.

13. Мерзлякова М. В. Особенности реализации судом апелляционной инстанции правила о запрете поворота к худшему при проверке приговоров // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 45–48.

14. Петрухин И. Л. Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе // Государство и право. 2006. № 3. С. 46–53.

15. Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 483 с.

16. Практика применения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практ. пособие : в 2 ч. / [В. А. Давыдов и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. Ч. 2. 303 с. ISBN 978-5-534-10674-9.

17. Уголовный процесс : учебник для вузов / [Л. К. Айвар и др.] ; под общ. ред. В. И. Радченко. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Юстицинформ, 2006. 783 с. ISBN 5-7205-0697-7.

18. Фурсов В. А., Гильманов И. Р., Канкулова М. А. Ослабление запрета на поворот к худшему в современном российском уголовном процессе // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2015. № 1. С. 69–71.

19. Хатуаева В. В. Понятие и сущность института пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу, в контексте реформирования уголовно-процессуального законодательства РФ // LexRussica. 2017. № 11. С. 38–46.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №28

20. Якимович Ю. К. Проверка приговоров и иных судебных решений по уголовным делам судом второй и надзорной инстанции : учеб. пособие. Магадан : Сев. междунар. ун-т. 2005. 42 с.

21. Herke C. Theoretical and Practical Issues of the Prohibition of Reformatio in Peius in Hungary // Issues of Business and Law. 2011. Vol. 3. P. 95–109.

Приложение:

Схема 1. Соотношение объекта проверки и основных начал контрольно-проверочных производств